

История философии. Социальная философия. Обзор

УДК 130.2(063)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-156-173

Мир. Язык. Реальность. Обзор конференции «Алешинские чтения 2023» (РГГУ, 14–16 декабря 2023 г.)

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annarezni@yandex.ru*

Евгения А. Шестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, eschestova@gmail.com*

Яна Г. Янпольская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iana.ianpolskaia@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена обзору докладов ежегодной научной конференции «Алешинские чтения», в этот раз посвященной теме «Мир, язык, реальность». В ней приняли участие более 80 ученых из разных стран (Россия, Казахстан, Польша, Австралия) и разных научных специальностей, – философов, филологов, религиоведов, культурологов, – поскольку сама тема уже предполагала междисциплинарное обсуждение. На пленарном заседании конференции были намечены важнейшие подходы к рассмотрению этой темы. Они были развиты в работе секций: «Феноменология и <социальная> реальность. Языки описания», «Священное и сакральное в современном обществе», «Русская философия и платонизм: язык и реальность», «Языки описания и дискурсивные практики», «Литература, арт-процесс и виртуальная реальность».

Вопрос о философском языке – как языке философии в целом, так и о языке конкретной философской школы или даже конкретного автора – закономерным образом стал одним из ключевых вопросов конференции.

Ключевые слова: мир, язык, реальность, феноменология, русская философия, священное, сакральное, арт-процесс

© Резниченко А.И., Шестова Е.А., Янпольская Я.Г., 2024

Для цитирования: Резниченко А.И., Шестова Е.А., Янпольская Я.Г. Мир. Язык. Реальность. Обзор конференции «Алешинские чтения 2023» (РГГУ, 14–16 декабря 2023 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 2. С. 156–173. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-156-173

World. Language. Reality.
Review of the Conference
“Scientific Conference in Memory of A. Alyoshin 2023”.
(RSUH, 14–16.12.2023)

Anna I. Reznichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
annarezn@yandex.ru*

Evgeniya A. Shestova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
eschestova@gmail.com*

Yana G. Yanpolskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iana.ianpolskaia@gmail.com*

Abstract. The article deals with a review of the presentations of the annual scientific Alyoshin Conference (“Alyoshinskie Chtenya”), focusing on the theme “World, Language, Reality”. More than 80 scientists from different countries (Russia, Kazakhstan, Poland, Australia) and different scientific specialties – philosophers, philologists, religion scholars, cultural scholars – took part in it, as the topic itself already implied interdisciplinary discussion. The plenary session of the conference outlined the most important approaches to the topic consideration. They were developed in the work of the sections: “Phenomenology and <Social> Reality. Languages of Description”, “Sacred and Sacral in Modern Society”, “Russian Philosophy and Platonism. Language and Reality”, “Languages of Description and Discursive Practices”, “Literature, Art Process and Virtual Reality”.

The question of philosophical language – both the language of philosophy in general and the language of a particular philosophical school or even a particular author – became one of the key issues of the conference.

Keywords: world, language, reality, phenomenology, Russian philosophy, sacred, sacral, art process

For citation: Reznichenko, A.I., Shestova, E.A. and Yanpolskaya, Ya.G. (2024), "World. Language. Reality. Review of the Conference 'Scientific Conference in Memory of A. Alyoshin 2023'. (RSUH, 14–16.12.2023)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 156–173, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-156-173

14–16 декабря 2023 г. на философском факультете РГГУ состоялась ежегодная научная конференция «Алёшинские чтения», в этот раз посвященная теме «Мир, язык, реальность». В ней приняли участие более 80 ученых из разных стран (Россия, Казахстан, Польша, Австралия) и разных научных специальностей, – философов, филологов, культурологов, – поскольку сама тема уже предполагала междисциплинарное обсуждение. В первый день конференции прошло пленарное заседание, и намеченные на нем подходы к рассмотрению этой темы были развиты в работе соответствующих секций: «Феноменология и <социальная> реальность. Языки описания», «Священное и сакральное в современном обществе», «Русская философия и платонизм: язык и реальность», «Языки описания и дискурсивные практики», «Литература, арт-процесс и виртуальная реальность».

Пленарное заседание

Конференцию открыл доклад А.А. Кротова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Методология прогнозирования будущего в концепции Эрнеста Ренана», описывавший ренановскую концепцию развивающейся Вселенной в духе христианского рационализма, на основании принципиально нерелигиозной, философской идеи Бога, не являющегося совершенством, а находящегося в становлении, Ренан разворачивает оптимистичную картину мира как развивающейся Вселенной, которая целенаправленно движется к реализации Духа в истине, благе и красоте. При этом Ренан вполне допускает, что человечество является не единственной разумной расой во Вселенной и что внеземной разум тоже участвует в реализации этой задачи; его понятие мира достигает космического размаха.

Линию философской теологии продолжила декан философского факультета РГГУ С.А. Коначева в докладе «Бытие, фактичность, язык: философия жизни раннего Хадеггера». Она показала, как феноменология религии внесла вклад в переосмысление феноменологии, подняв проблему соотношения Я и мира и освобождая

феноменологию от концептуальных рамок античной философии. Переход к исследованию Августина и апостола Павла приводит Хайдеггера к так называемому «теологическому повороту»: августиновская озабоченность отпадением от Бога переосмысливается как опыт переживания самостью самой себя и озабоченность потерей себя. Взгляд Бога становится не успокоением, а источником беспокойства, это ситуация, когда самость ставит себя под вопрос. Переход от онто-теологического понимания Бога как объекта созерцания и предмета устремления к анализу опыта жизни перед Богом позволяет раскрыть нашу заботу о собственном бытии.

М.А. Пылаев (РГГУ/ПСТГУ) «Нарративная теология Э. Юнгеля и философия имени А.Ф. Лосева» в своем докладе напомнил о теологической герменевтике немецкого мыслителя и сравнил ее с концепцией Откровения мыслителя русского. В обоих подходах Бог понимается прежде всего как тот, кто вступает в коммуникацию с человеком – присутствует не в мире, но и не остается вне мира, а пребывает на границе, открываясь в своем Слове или являя себя через свое Имя. Эти анти-аристотелевские подходы отказываются от понимания Бога в отношении его действительности в пользу непрерывного откровения Бога. Язык как измерение откровения Бога становится и измерением мышления о Боге.

Таким образом, были представлены разные варианты осмысления реальности мира и Бога в рамках философской теологии: рационалистический вариант соработничества Бога и человека, феноменологическое исследование религиозного опыта как онтологического вопрошания и герменевтические стратегии доступа к миру и Богу через язык.

Два оставшихся доклада пленарной части сосредоточились на способах использования языка и его выразительных возможностях. В.И. Молчанов (РГГУ) посвятил свой доклад «Смысл и его тень. Терминологический поворот в феноменологических исследованиях» соотношению философского и обыденного языка и проблеме образования терминов. Когда слово становится термином, его способ функционирования претерпевает определенную трансформацию, начиная действовать в системе утверждений о предметах. Выделив термин «смысл», В.И. Молчанов показал, как в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерля он работает и в терминологическом, и в естественном значении, и введение наряду со «смыслом» понятия «ноэма» (как понятия выраженно философского языка) не помогает разделить эти два способа употребления языка.

А.И. Резниченко (РГГУ, доклад «Глухой голос бытия или Меня окружают молчаливые глаголы. Мир, язык, реальность в филосо-

фии имени о. Сергия Булгакова и поэзии “второй культуры”») показала, как философия языка С.Н. Булгакова оказалась странным образом созвучна поэтическим поискам позднесоветского андеграунда. Концепция «глухого голоса Бытия», до-голосового и до-артикулированного проявления бытия, которое поэт слышит и проговаривает, приводя к Слову и оформляя в языке свою соотносительность с бытием, отразилась в «заумной» поэзии В. Эрля. Если «смысл» в русской традиции приравнивается к «ясности», то заумная поэзия ищет «смысла помимо смысла», выражающего связь с миром на звуковом или графическом уровне. Другой вариант такой поэтической работы, утверждает докладчик, мы можем найти у раннего Бродского, который сохраняет ясность смысла, но переносит внимание на звук и интонацию стиха.

*Секция «Феноменология и <социальная> реальность.
Языки описания»*

Феноменологические дискуссии о языке, мире и реальности продолжились тремя днями работы секции «Феноменология и <социальная> реальность. Языки описания» (модераторы – С.А. Коначева, Г.И. Чернавин, Е.А. Шестова) – самой обширной и представительной. Докладчики расширили заявленную сферу, указав на сближения между феноменологией и неогегельянством, сопоставляя феноменологические подходы с идеями Ж. Лакана и С. Кьеркегора, проводя параллели между философией языка И.Г. Гамана и М. Хайдеггера. Было показано, как феноменологические дескрипции могут быть соотносены с описаниями в языке психиатрии, психоанализа и этнометодологии и насколько эти соотношения могут быть философски продуктивными.

В первый день работы конференции феноменологическая линия продолжилась докладами о соотношении опыта и языка в феноменологии. А.Б. Паткуль (СПбГУ, доклад «Мир и язык у М. Хайдеггера: от фундаментальной онтологии к бытийно-историческому мышлению») начал разговор о хайдеггеровском понятии науки: философия как наука о бытии должна в то же время – как наука – быть некой взаимосвязью истинных суждений. В случае философии, однако, логически верные суждения будут по форме своей противоречить онтологической дифференции. Экзистенциальное понятие науки требует особого языка и особой грамматики; не будучи онтической наукой, философская наука оказывается в особом отношении с экзистенциальными условиями существования науки.

М.А. Белоусов (РГГУ) в своем докладе «Мир и язык. К феноменологии выражения у Гуссерля и Хайдеггера» отталкивался от тезиса, что отношение феномена и языка определяет возможность феноменологии как таковой. Единство сказанного и показанного, которого требует феноменология, не должно стирать это различие. М.А. Белоусов предложил для работы с этой проблемой обратиться к VI Логическому исследованию Гуссерля, в котором тот в качестве носителей значения рассматривает выражающие акты, которые участвуют в синтезе между переживаниями сознания и коммуникативными актами. Единство мира и языка возможно потому, что носителями значения оказываются акты выражения – значение всегда уже связано с языком, заражено миром и другими, а интересубъективность, историчность и выраженность оказываются чертами мира. Выражение участвует в смыслоконституировании на уровне первичной пассивности. Таким образом, VI Логическое исследование фактически предлагает нам понимать мир как истолкованный в актах выражения и открывает возможность для хайдеггеровского герменевтического поворота. Гуссерлевскому различию выражения и языка соответствует у Хайдеггера различие речи и языка. Первый день работы секции завершился докладом Б.Л. Губмана (ТвГУ) «Конституирование мира в герменевтике Х. Арендт: рас-судок, разум, способность суждения». Арендт исследует вопросы конституирования социальной реальности, обращаясь для этого к кантовской «Критике способности суждения». Способность суждения позволяет нам перейти от научных суждений о мире к суждениям, выносимым в политической интересубъективности. И здесь язык как среда коммуникации, язык, не сводящийся к строгим дефинициям, ставит под вопрос «самопонятные» научные суждения о мире, возвращая нас к необходимости снова и снова выносить суждение о нашей человеческой ситуации. Язык, таким образом, оказывается тем, что движет историю.

Во второй день работы секции были представлены доклады, посвященные проблеме трансцендентального языка, поставленной О. Финком: возможен ли «чистый» феноменологический язык, который позволил бы избежать «обмирщения» феноменологии? Г.Е. Навильников (НИУ ВШЭ) в связи с этим задавал вопрос о том, насколько мы можем считать дескрипциями описания меонтического феноменологического измерения. С точки зрения Финка, собственно дескрипциями они не являются, что как раз связано с невозможностью особого трансцендентального языка. И.С. Онегин (НИУ ВШЭ) рассматривал проблему языкового «обмирщения» в том ракурсе, который предлагает А. Шютц. Шютц делает акцент на том, что язык дает нам структуры типизации и служит медиу-

мом между человеком и миром. Однако такое понимание словно исключает вопрос о преобразовании языка ввиду философских целей. Таким образом, и крайность трансцендентального языка, и крайность языкового детерминизма скорее предстают как идеи, устанавливающие пределы реального функционирования языка.

Ряд докладов в секции были посвящены терминологическому анализу и прояснению истории философских понятий. Д.А. Волков (НИУ ВШЭ) проследил истоки делезовского понятия «contraction», которое Делез наследует от Бергсона и Спинозы. Исток же этого понятия лежит в иудейской религиозной традиции, где оно уже имеет онтологическую значимость и описывает сотворение Богом мира в результате «стягивания» к его пределам и предоставления миру свободы. Делезу это понятие позволяет описать онтологический генезис структур и объектов в хаосе. Е.А. Шестова (РГГУ) рассмотрела функционирование оперативного понятия “Deckung” (совпадение, перекрытие) в феноменологии Гуссерля и Мерло-Понти. Анализ этого термина позволяет прояснить гуссерлевскую концепцию понимания и совместного конституирования: субъекта как конституирующего мир совместно с другими и взаимодействующего с другими на почве мира. Мерло-Понти развивает тот аспект гуссерлевского понятия “Deckung”, который предполагает удержание дистанции между двумя актами, вступающими в синтез. Субъект оказывается тем, кто возникает как результат понимания, выделяется в результате совпадения своего активного тела и пассивного тела мира или сообщества. Конституирование в треугольнике субъект – другой – мир исходит из мира, тогда как Я конституируется как субъект ответственности.

Оригинальный доклад Е.И. Хан (РУДН им. П. Лумумбы) наглядно представил зрителям разные варианты «геометрической» схематизации аффектов: треугольник зависти (Жирар), преобразования скорби (Фрейм), исключенность ревности (Дюпюи), рекурсия тоски (Кьеркегор). Эти геометрические построения и графики ставят вопрос о возможности образного, визуального языка философии как дополняющего или даже замещающего обыденный язык. По большей части такие построения являются проясняющей иллюстрацией, в некоторых случаях (прежде всего Фрейм), однако, это притязание на своего рода доказательную силу схемы. В то же время вопрос о том, открывает ли такого рода геометрия новый способ мышления и может ли она вообще притязать на это, остается нерешенным.

Французской феноменологии – М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартру, М. Риширу – были посвящены главным образом доклады второго дня. Г.И. Демин (РГГУ) проследил истоки онтологической концеп-

ции позднего Мерло-Понти и указал на то, что в своей борьбе с картезианством Мерло-Понти опирается не только на феноменологию Гуссерля, но и на идеи психоанализа. Своеобразная феноменология сновидения как структуры пассивности открывает ему возможность исследовать до-субъективное измерение субъективных структур и, как следствие, рассматривать субъекта как сущностно «множественного», со-бытийствующего, как точку диалога. Бытийным основанием субъекта оказывается «онейрический символизм», дегуманизированный субъект, истолковывающий сам себя.

Е.В. Дрожецкая (РГГУ) рассказала о том, как понимают соотношение воображения и образа Ж.-П. Сартр и М. Ришир, и разобрала эти концепции на примерах живописных работ. При этом проблематика образа оказывается завязанной на вопрос о свободе: для Сартра воображение оказывается основной способностью, открывающей возможность свободного творчества. С точки зрения Ришира же, воображаемый мир предстает как мир, лишенный свободы, как мир фатальный. Ни одно из его качеств не реализуется в полноте и не способно обеспечить открытость мира, а новые свойства всегда добавляются синтетически.

Г.И. Чернавин (НИУ ВШЭ, РГГУ) представил феноменологический анализ одного из вариантов совести и апелляции к моей совести со стороны другого (а также возможной «дисквалификации» моей совести со стороны другого). В своем докладе он поставил под вопрос саму возможность достоверного различения совести и «псевдо-совести».

* * *

Две обширные секции «Священное и сакральное в современном обществе. Основные направления исследований» (модераторы: М.А. Пылаев, А.В. Кольцов, В.М. Карелин) и «Русская философия и русский платонизм: язык и реальность» (модераторы: А.А. Гравин, В.П. Троицкий, А.И. Резниченко) представили исследования в области языка описания несказанного, трансцендентального, непроговариваемого, – сакрального и священного, – и исследования инструментария для такой работы, созданного в рамках русской философской традиции.

Секция «Священное и сакральное в современном обществе. Основные направления исследований»

Работа секции о «Священном и сакральном...» продолжалась два дня. В вечернем заседании первого дня работы конференции

прозвучали три доклада. О.В. Иващук (РАНХиГС) заострила проблему соотношения религиозного и сакрального и подчеркнула несинонимичность этих терминов. Религия, с точки зрения докладчика, представляет собой лишь один из способов существования священного. Два другие – миф и наука (со своим сакральным объектом – человеческим индивидом). Социология обнаруживает у индивида «священный радиус». Значимость этого радиуса обусловлена тем, что «представление себя другим» – с передним планом и закрытой зоной, позволяющей создать этот передний план, – есть неустранимый момент всякой социальности. Докладчик показала, что происходит при сокращении, удлинении и игнорировании этого радиуса. Доклад И.В. Гравиной (НИУ ВШЭ) был посвящен проблемам понимания таких терминов, как «сакральное» и «профанное» во внешне противоположных интеллектуальных течениях XX в.: традиционализме и постмодернизме. В пространстве традиционалистского дискурса постмодернизм является абсолютно «профанным» упадочным явлением. Автор доклада выяснила позиции сторон по данному вопросу и проанализировала контекстуальную актуальность данного идейного противостояния. В отличие от традиционализма, который всеми силами пытается реконструировать фактически отжившие естественным образом дискурсы, постмодернизм в большей степени отражает состояние современного мира.

Дискуссионным оказался третий доклад заседания – А.П. Соловьева (Алмаатинская духовная семинария, Алматы, Казахстан), где докладчик рассматривал концепты языка священного и сакрального в контексте политической теологии и, в частности, дискуссии между К. Шмиттом и О. Макгвардом и постарался установить границы и одновременно точки соприкосновения христианства и модерна. К. Шмитт понимает политическую теологию как секуляризацию, то есть имманентизацию, христианского богословия. В итоге секуляризации суверенность Бога, которого он понимает, исходя из христианской перспективы, переносится на политический субъект (суверена, законодателя, чрезвычайного положения, диктатуры). Эти понятия, сохраняя свои политические функции, являются секуляризацией христианских теологических понятий Бога, Творца, чуда, катехона (или спасителя) и тем самым подменяют его. Эту позицию оспаривает О. Марквард, который не отрицает понимания секуляризации как продолжения религии. В качестве политических теологий он предлагает понимать различные варианты философии истории: Гегеля, Маркса, Шпенглера, Розенберга и т. п., – которые как раз и легитимируют тот или иной образ зла и врага и способы спасения от него. Но подобная уста-

новка не является в собственном смысле христианской, а имеет сходство с гностическими учениями и в особенности с близким и к христианству, и к гностицизму учением Маркиона. Дискуссия вокруг этих сюжетов только подчеркнула актуальность еще одной проблемы соотношения реальности, мира и языка – проблемы понимания и, в частности, понимания разных философских языков, таких как язык феноменологии и язык политической теологии.

Утреннее и вечернее заседания второго дня работы секции были посвящены опыту переживания “*misterium tremendum*” у С.Л. Франка и Р. Отто (Н.А. Беляева, РГГУ), теориям темного сакрального (В.Э. Даниелян, НИУ ВШЭ), авраамическому и биоэтическому персонализму в рамках дискуссии о границах сакрального и секулярного в практиках модерна (М.С. Першин, Алма-атинская ДС, Алматы, Казахстан), цифровизации и ее влиянию на современное религиозное сознание (Л.Э. Крыштоп, РГГУ/РУДН им. П. Лумумбы), проблеме значения в религиозной семантике (А.В. Терентьев, РГГУ), проблеме абсолютной реальности как фундаментальному убеждению (Т.В. Спирин, ВолГУ, Волгоград), «революции слабых» (М.А. Исраэлов, НИУ ВШЭ) – финальный доклад утреннего заседания завершил сюжет соотношения теологии и политики. Секцию закончил блок докладов по соотношению терминов «священное/сакральное» у Ж. Батая и Р. Жирара (В.В. Скибина, РГГУ¹, А.О. Коцарь, А.Д. Воробьева).

Секция «Русская философия и русский платонизм: язык и реальность»

Включение «русского», «платонического», «трансценденталистского», «эссенциалистского», «метафизического» и проч. дискурсов в сферу разговора с феноменологической философией, которая, на первый взгляд, говорит прямо об обратном, оказалось большой удачей конференции. Уже на пленарных заседаниях были обозначены структурные и языковые соответствия и несоответствия между классической феноменологией и тем идейным полем, которое, вслед за В.В. Зеньковским, называют «русской философией периода систем». Еще больше таких точек разнонаправленного сближения и отталкивания выявляется в сопоставлении не-феноменологической западной философской традиции и постклассической русской философии, прежде всего – философии советского периода.

¹ Текст статьи опубликован: [Скибина 2023].

Работа секции началась во второй день конференции. Уже самый первый доклад (А.В. Логинова, РГГУ) выявил параллели между традиционной русской религиозной философией и аксиологией М. Шелера. Докладчик убедительно показал, что метафизика и этика Шелера были созвучны поискам русской религиозной философии той эпохи. Прямое влияние и критическое переосмысление идей М. Шелера ощущается в творчестве Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Б.В. Вышеславцева. Бердяев упоминает о встрече с Шелером в «Самопознании». Франк обращается к идеям Шелера в целом ряде работ, в 1928 г. выдающимся русским мыслителем была опубликована статья памяти Шелера. Н. Лосский упоминал идеи Шелера в своей фундаментальной работе «Ценность и бытие». Вышеславцев обратился к идеям Шелера в своей самой яркой книге «Этика преображенного эроса». Взаимосвязь данных концепций, утверждает докладчик, необходима для лучшего понимания отечественной и европейской философских традиций первой половины XX в.

Работа понятий политической теории в русском философском языке была проанализирована в двух последующих докладах секции – К.М. Антонова (ПСТГУ) и А.А. Романенко (НИУ ВШЭ). К.М. Антонов обратился к темпоральности права в социальной философии П.И. Новгородцева, выделяя ключевые термины языка политической философии мыслителя, такие как «естественное право», «утопия», «общественный идеал», столь важные для языка политической философии русских систем.

А.А. Романенко рассмотрел функционирование и понимание славянофилами ключевого понятия русской философии XIX в. – понятия «народности» и его соотношения с понятием «нации». В докладе прослеживается трансформация и внутреннее неизменяемое «ядро» представлений о «народности», анализируются их истоки и интеллектуально-философские влияния, делается вывод о влиянии славянофильского понимания «народности» на позднейшую русскую философскую и общественно-политическую мысль. Докладчик использовал методологию истории понятий, предложенную К. Скиннером и предполагающую реконструкцию смысла речевого акта мыслителя или деятеля через контекст эпохи (взамен господствующей методологии реконструкции «идеальной модели» учения условного деятеля). А.А. Романенко показал, что смена методологических оптик позволяет раскрыть динамику славянофильских представлений и их связь с общественно-философским и интеллектуальным контекстом эпохи (1840–1880-е годы).

Следующие три доклада были посвящены аспектам формирования и функционирования философского языка в советский и

постсоветский период русской философии, – наименее изученный. Так, Е.Н. Дмитриевский (ГКНПЦ им. М.Н. Хруничева) обратился к диалектике языка в философии Э.В. Ильенкова. «Ильенковскую» тему продолжил Р.Р. Вахитов (Уфимский ун-т науки и технологий, Уфа), предварив ее серьезными методологическими выкладками на базе «философии имени» и «диалектики мифа» А.Ф. Лосева². Наконец, разговор о языке советской и постсоветской философии в сфере социального завершил А.Н. Окара (ИВИ РАН) в докладе о постнеклассической рациональности как модели описания «новой сложности» современной социально-политической реальности.

Вечернее заседание секции было связано с темами и сюжетами, традиционными для русского платонизма. В докладе А.О. Забросковой (НИУ БелГУ, Белгород) были изложены результаты исследования понятия «самопознание» у Платона в интерпретации В.Н. Карпова, выдающегося переводчика Платона. «Платоновскую» тему в русской философии продолжил известный исследователь творчества П.А. Флоренского Н.Н. Павлюченков (ПСТГУ). Докладчик показал, что прот. С. Булгаков (в эмиграции) и А.Ф. Лосев (в России), каждый по-своему, полагали, что продолжили или даже довели до конца разработки Флоренского: Булгаков в области софиологии, а Лосев – в направлении рецепции платонизма и имяславия. Сопоставление восприятия платонизма в трудах свящ. П. Флоренского и А.Ф. Лосева может быть рассмотрено как один из важнейших этапов разработки темы идейного преемства и разрыва в их философско-богословском творческом наследии. Все философско-богословские концепции Флоренского органично связаны с его, основанной на платонизме, антропологией. При этом платоническая антропология оказывается у А.Ф. Лосева пересмотренной.

Антропологический момент в философии уже прот. С. Булгакова был рассмотрен в докладе Д.Д. Кислякова (University of Divinity, Melbourne, Australia). Докладчик поставил вопрос – способно ли изучение Булгакова с точки зрения человеческой личности объединить философские, богословские и другие междисциплинарные аспекты его творчества в одно целое? Может ли это помочь объяснению нынешнего геополитического и социокультурного кризиса и его связи с несовершенным пониманием человеческой личности? В заключении доклада была высказана мысль о том, что антропологическая оптика является эффективным методом объединения многообразных аспектов Булгакова.

² Первая часть доклада – с теоретико-методологическими выкладками – опубликована в настоящем номере журнала: [Вахитов, Родионова 2024]..

Следующие три доклада вновь возвращают нас от проблемы рецепции русского платонизма и работы понятий в этом контексте, – к проблемам собственно контекста и собственно языка. А.А. Гравин (СИ РАН/НИУ ВШЭ) обратился к рецепции теоретических представлений о мифе Вячеслава Ивановича Иванова в диалектической теории мифа Алексея Фёдоровича Лосева, а также в современных научных и лингвофилософских исследованиях Л.А. Гоготшвили и Р. Бёрда. Докладчик проанализировал контекст теоретико-мифологических исследований начала XX в., отдельные определения термина «миф», а также характер теоретической преемственности в исследованиях в области теории мифа от В.В. Иванова к А.Ф. Лосеву, а затем – к Р. Бёрду и Л.А. Гоготшвили. А.А. Гравин отметил, что исследовательский акцент Бёрда – на экзистенциальном измерении мифа и на «отрешённости» как главном его свойстве. Позиция Л.А. Гоготшвили – иная. Ее задача – дистинкция мифологических и обыденных высказываний, «мифологическая» перспектива рассмотрения языка сквозь призму феноменологии.

Уникальному и новаторскому философскому языку В.В. Розанова был посвящен доклад А.А. Голубковой (РГГУ). Докладчица подчеркнула, что В.В. Розанов пользуется языком художественной литературы прежде всего для выстраивания своей собственной оригинальной философской системы. Это позволяет рассмотреть литературную критику Розанова через призму его философских взглядов, ведь в своем критическом суждении о литературе Розанов в первую очередь был именно философом. Разговор о мифах, символах, концептах и контекстах был продолжен в докладе А.С. Никифоровой. Докладчица подчеркнула, что в культурологических текстах П.А. Флоренского затрагиваются важные проблемы теории искусства, художественного пространства, обратной перспективы, а также театральности и природы театра. Говоря о сновидениях, Флоренский сам поясняет их форму через теорию драмы. Философ связывает воедино природу бессознательного, театральную драму, обратную перспективу и религиозное сознание. Критика П.А. Флоренским традиционных театральных форм оказывается созвучна тем творческим исканиям, которые происходили в период становления российского режиссерского театра. Как обратная перспектива соединяет различные точки зрения, так и новый театр уходит от строгости рационализма к формированию новой реальности и созданию особого художественного пространства, выходящего за рамки миметического отображения окружающего нас мира.

И, наконец, финальная панель «русской» секции была посвящена «символам воплощенным» – конкретным концептуальным метафорам русской, да и не только русской, философской традиции:

«лесу», «кладовой солнца», «нечеловеческим существам» – конкретно бесам (у С.Н. Дурылина) и ягуарам (у Ю.В. Кнорозова). В докладе Л.В. Иванькович (ЦМШ-АИИ «Балтийский», Калининград) затронуты две важные для русской философии языка темы – темы именования и Другого. Докладчица напомнила о том, что в традиции философии имени объект появляется в мире – является другим в своей сущности и взаимосвязи с другими объектами мира – только при получении имени. Это действие можно обозначить как явление объекта миру. Но есть и обратное действие, способность «увидеть» открывающее реальность, «чуткое око» (свящ. П. Флоренский). Такое «око» было у С.Н. Дурылина, который видит в «нечеловеческих существах» – бесах – семантических и экзистенциальных проводников и к Богу, и к небытию.

Сюжеты коммуникаций между разными типами реальности были продолжены в докладе Н.О. Костина (Папский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша). Говоря об антропологии, Э. Кон приходит к новому пониманию объекта коммуникации, ставит вопрос о дихотомии субъекта и объекта. Несмотря на все различие в моделях и методологиях, и канадский мыслитель, и выдающийся отечественный мыслитель Ю.Н. Кнорозов формируют комплиментарные теории коммуникаций. Понимая язык как систему сигнализации, Кнорозов открывает теорию коммуникации для той эпистемологии, которую предлагает Кон. Наконец, в докладе Е.Ю. Кнорре (ИМЛИ РАН, ПСТГУ) реконструируются философские контексты мотива града-клада в дневниках Михаила Пришвина. Выявляются аллюзии к русско-немецкой традиции нарратива пути (мышление по образу «лесной тропы» в философии М. Хайдеггера и Э. Юнгера; тропа в Невидимый град у С.Н. Дурылина, «Лес» как пространство неметрического в философии В. Бибихина).

Секции «Языки описания и дискурсивные практики» и «Литература, арт-процесс и виртуальная реальность»

Секцию «Языки описания и дискурсивные практики» (модератор: Я.Г. Янпольская, РГГУ) открыли доклады студентов ФФ РГГУ и НИУ ВШЭ, сразу переросшие в продуктивную дискуссию о возможности «наивного значения». С.М. Флоридов (РГГУ) представил в качестве доклада ряд этюдов, исходящих из предположения о том, что исследование того, как сформировались различные «жизненные миры» на самом деле обнаруживает их не-непосредственный характер. Наивно-семантические описания, не различающие

существующие и несуществующие объекты и описывающие их как онтологически единообразные, объективируют эти «предметы» и порождают отдельные замкнутые миры. Обращаясь к Платону, Августину, Витгенштейну, Фреге, докладчик выявил генезис «общего мира» из «разделенной референции». А.А. Коченков (РГГУ) также поставил вопрос о происхождении «наивного значения» и о возможной работе по его прояснению. Однако его вариант уточнения значений предполагает прежде всего коммуникативное прояснение. Вслед за У. Селларсом он предлагает сделать акцент на бихевиористские и рациональные способы преодоления наивности.

М.Д. Горбачев (НИУ ВШЭ) посвятил свой доклад проблеме опровержения иллюзионизма: каковы могут быть доказательства того, что наша реальность не является иллюзорной? Представив аргументы против иллюзионизма, он представил и свое обоснование недостаточности этих аргументов, а соответственно, невозможность полностью исключить иллюзионизм. И.А. Ширяев (НИУ ВШЭ–ОЦАД) познакомил участников секции с наследием Карло Микельшtedтера и его антимиметической и контрриторической концепцией языка и общения. Т.В. Литвин (НИУ ВШЭ) вслед за Гуссерлем и Мерло-Понти задавалась вопросами о воображении и его роли в конституировании мира. Ее тезис состоял в том, что воображение, присоединяясь к восприятию, только и превращает последнее в акт сознания. Уже на этом уровне, казалось бы, непосредственной данности задействуется воображение, и сама идея непосредственности оказывается некоторой наивностью. А.И. Макаров (ВолГУ, Волгоград) представил свои многолетние исследования языковых практик у студентов. Для концептуализации он обратился к наследию О. Розенштока-Хюсси и других диалогистов. Это сообщение вызвало большое оживление, однако регламент не позволил состояться спору представителей исследуемого поколения с их исследователем. Последним прозвучал обширный доклад Т.В. Агошковой (МАИ), подробно рассмотревшей складывание концепции Рудольфа Карнапа и рецепцию его идей при разработке искусственного интеллекта в XX в.

Сюжеты, затронутые в «языковой» секции, были продолжены в секции «литературной» (модераторы: А.А. Голубкова, А.Е. Занина). Семиотические концепции руин, реальность медиа, поэтический язык Гельдерлина и Рильке у Хайдеггера, поэтический язык Ольги Седаковой, система Станиславского и онтологический транзит, Рансьер, литература и демократия – все эти, казалось бы, не связанные друг с другом, но взаимодополняющие вещи послужили предметом размышления и конституирования нового смыслового целого.

* * *

Завершилась конференция круглым столом «Мир, язык, реальность». Основную дискуссию во время круглого стола определил доклад М.А. Белоусова (РГГУ) о функционировании терминов и проблематике философского языка. Докладчик напомнил о том, что этимологически «термин» происходит от латинского *terminus* – граница, предел, то есть то, что позволяет производить разграничения. Именно определение границ – или, феноменологически, горизонтов – задает условия возможности (границы) возможного опыта. Возникает вопрос: в каком соотношении термины, которые не есть возможный опыт, но определяют границы возможности опыта, находятся с обыденным языком. Если язык изначально предназначен для описания предметов мира, не возвращает ли нас использование языка в докритическую наивность? И в этом случае понятность языка парадоксальным образом становится угрозой: сказанное заслоняет собой то, о чем идет речь.

М.А. Белоусов наметил три возможные стратегии выстраивания философского языка:

- говорить на естественном языке;
- выстраивать специфически философский, терминологический язык;
- выстраивать философское высказывание, сохраняя этот разрыв внутри естественного языка.

Последняя стратегия представлялась докладчику единственно возможной, поскольку это стратегия, в которой границы языка обозначаются самим языком, подходящим к своей границе – молчанию. В целом вопрос о философском языке – как языке философии в целом, так и о языке конкретной философской школы или даже конкретного автора – закономерным образом стал одним из ключевых вопросов конференции.

Благодарности

Обзор выполнен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00802, «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

Acknowledgements

The review was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00802 “World, language, reality. European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension”.

Литература

- Вахитов, Родионова 2024 – *Вахитов Р.Р., Родионова А.Е.* Имена коллективов в СССР. Коллективные личности в самовосприятии советского общества (взгляд «философии имени» А.Ф. Лосева) // «Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 2. С. 46–63. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-46-63.
- Скибина 2023 – *Скибина В.В.* Интерпретация насилия через практику сакрального в антропологической концепции Рене Жирара. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2023 № 4. С. 44–58. URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-44-58>.

References

- Vakhitov, R.R. and Rodionova, A.E. (2024), “Names of collectives in the USSR. Collective personalities in the self-perception of Soviet society (the view of A.F. Losev’s Philosophy of the name)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 46–63, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-46-63.
- Skibina, V.V. (2023), “Interpretation of violence through the practice of the sacral in the anthropological concept of Rene Girard”, *RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 44–58, available at: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-4-44-58>.

Информация об авторах

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв», отдел «Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина», Московская обл., Россия; 141060, Россия, Московская обл., г. о. Королёв, мкрн. Болшево, ул. Свободная, д. 12; annarezn@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0045-8949.

Евгения А. Шестова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; eschestowa@gmail.com

Яна Г. Янпольская, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iana.ianpolskaia@gmail.com

Information about the authors

Anna I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

MBUK MOK, dep. “Memorial House-Museum of S.N. Durylin”, Moscow region, Russia; bld. 12, Svobodnaya Street, microdist. Bolshevo, Korolev, Moscow region, Russia, 141060, annarezn@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0045-8949.

Evgeniya A. Shestova, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047, eschestowa@gmail.com

Iana G. Ianpolskaia, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for Humanities. Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; iana.ianpolskaia@gmail.com